



Душевное состояніе воиновъ въ ожиданіи боя.

(По наблюденіямъ врачей).

Военно-психологическій этюдъ.



Въ предыдущей своей статьѣ подъ тѣмъ же названіемъ (№ 5 «Военнаго Сборника») я привелъ характеристику душевнаго состоянія воиновъ въ ожиданіи боя по наблюденіямъ офицеровъ.

Въ настоящей работѣ я касаюсь того же состоянія по наблюденіямъ врачей, дабы имѣть возможность сравнить эти наблюденія для общихъ выводовъ.

Подобно наблюденіямъ офицеровъ и данныя наблюденія врачей я позволилъ себѣ объединить для удобства читающихъ эти строки въ одинъ болѣе или менѣе связный рассказъ, сохраняя, по возможности, порядокъ и стиль рѣчи изслѣдуемыхъ.

Мнѣ приходилось много разъ бывать съ полкомъ въ резервѣ, когда мы ждали всякую минуту «вотъ-вотъ придетъ приказъ о выстуplenіи», передавалъ полковой врачъ. Въ то время, когда находишься въ ожиданіи, трудно наблюдать надъ собою, вѣрнѣе, и не

желаешь. Зачѣмъ наблюдать? Быть можетъ, это послѣднія минуты, думаешь въ своихъ мысляхъ. Но, когда пройдутъ тяжелыя минуты ожиданія, когда отдохнешь на свободѣ и придешь въ норму, тогда начинаешь вспоминать, чѣмъ разнится *душевное состояніе при ожиданіи* отъ душевнаго состоянія въ покоѣ.

Я много разъ подвергался ожиданію. И вотъ что хорошо помню.

Мысли. Со стороны умственной дѣятельности замѣчается потокъ мыслей, которыя, какъ весенній ручей, льютъ воды и *удержать ихъ сосредоточенно на чемъ-либо нѣтъ возможности.*

Тутъ вспоминается и хорошее, вспоминается и тяжелое въ жизни.

Но изъ этого ничто не останавливается надолго въ умѣ, а стремится впередъ безостановочно. Мысли смѣняются, какъ картины синематографа.

Письмо, какъ выраженіе мыслей и движенія руки.

Въ это время я иногда писалъ письма своей женѣ. И на другой день, уже въ состояніи покоя, перечитывалъ ихъ. Я находилъ пропущенными цѣлыя слова. Часто не находилъ связи между выраженными мыслями. Мнѣ казалось даже дикимъ, неужели я могъ написать такую чепуху.

Въ спокойномъ состояніи я пишу красиво и изящно съ мягкими закругленіями и завитками. На письмахъ же женѣ во время ожиданія я не узнавалъ своего почерка; онъ былъ какъ будто не мой. Отличался отъ прежняго своей рѣзкой палочкообразностью, *отсутствіемъ мягкихъ закругленій*, иногда *неравномѣрностью буквъ и почерка* и замѣною закругленій острыми углами.

Даже, потомъ, по однимъ письмамъ, по ихъ почерку, я узнавалъ, когда были писаны эти письма.

Ослабленіе вниманія или способности къ сосредоточенію. Я не могъ сосредоточить мысль на одномъ чемъ-либо крупномъ или важномъ.

Помимо моей воли она убѣгала въ сторону и останавливалась на чемъ-нибудь мелкомъ и неважномъ: платокъ, ремень, ножичекъ, хорошо ли одѣтъ, не жметъ ли ногу, не болитъ ли что и т. д.

Я, какъ врачъ, имѣлъ у себя большія деньги отъ офицеровъ, идущихъ въ бой и завѣщающихъ свои сбереженія при случаѣ отъправитъ на родину. Казалось, первая забота—не потерять крупныхъ суммъ, а между тѣмъ надоѣдливо лѣзетъ въ голову, кому я долженъ пятакъ, куда его потратилъ; вспоминалъ расходъ въ

2—3 коп. и меньше. О большихъ суммахъ почти не вспоминалъ, одинъ же разъ даже потерялъ.

Если мысль уносилась далеко на родину, то въ умѣ всплывали дѣтскія забавы, дѣтскія развлеченія, школьныя исторіи, событія юности; словомъ, опять та же мелочь, про которую, казалось, я со-всѣмъ забылъ.

Настроеніе. На душу тяжело; чувствуется томленіе и тяжесть на сердцѣ; раздражительность и капризность. Однако, настроеніе не всегда одинаковое; оно соотвѣтствуетъ и какъ бы вторить тѣмъ мыслямъ, которыя пробѣгаютъ въ головѣ.

Если мысли пріятно-радостны, то и настроеніе повышено-веселое; если грустныя и тяжелыя, то и настроеніе грустное и подавленное. Отмѣчается быстрота перехода отъ грустнаго къ веселому и обратно.

Къ окружающимъ лицамъ становишься какъ бы безразличнымъ.

Любви и преданности къ товарищамъ не чувствуешь. И только, глядя на молодыхъ офицеровъ, красивыхъ и румяныхъ, жалѣешь ихъ молодости. Къ старикамъ же не чувствуешь и этой жалости. Въ головѣ пролетаетъ мысль; они пожилы, имъ довольно.

Къ своимъ роднымъ въ это время чувствуешь особенную нѣжность и стараешься проявить мягкость.

Берясь за перо и дѣлая въ письмѣ своими чувствами, называешь родныхъ самыми нѣжными именами. При этомъ вспоминаются пріятныя минуты прежней жизни и, опять-таки странно, вспоминаются мелочи.

Вспоминается о томъ, что жена подарила на рубашку; вышила рубашку; когда-то поднесла цвѣтокъ. А никогда не дѣзетъ въ голову мысль о самопожертвованіи, о глубокой привязанности и другихъ подвигахъ.

Поведеніе и работа. Глядя на идущихъ или ожидающихъ боя, видишь, что одни суетливы, другіе болѣе сдержанны и наличность излишнихъ движеній проявляется лишь по временамъ; третьи какъ будто совершенно спокойны и только молчатъ. Лежать и молчатъ.

Я принадлежу къ суетливымъ. Бѣгаю взадъ и впередъ; поправляюсь, ложусь, встаю, опять ложусь, встаю и т. д.

Работа, требующая тонкости, мелкихъ и легкихъ движеній, выполняется съ трудомъ. Почеркъ въ это время рѣзко мѣняется, какъ было уже разсмотрѣно выше. Самый процессъ письма затрудняется и почеркъ изъ мягкаго съ привычными завитками дѣлается неровнымъ и грубо-палочкообразнымъ.

Тоже наблюдается и во всякой другой работѣ. Напримѣръ, при куреніи: *при скручиваніи папирасы замѣчается какая-то постыдность и грубость пальцевъ рукъ. Табакъ часто разсыпается и рвется курительная бумага, особенно тонкая. При закуриваніи папирасы, взявъ спичку, трешь ее о коробку грубо и неловко. Неловкими, грубыми движеніями срывается кусками зажигательная бумага съ коробки; нерѣдко и спички въ рукахъ ломаются по нѣсколько штукъ кряду.*

Внутренніе органы, въ здоровомъ состояніи и при обычномъ образѣ жизни нами не ощущаемые, начинаютъ заявлять о себѣ.

Сердце. Больше всего меня беспокоило сердце. Я невольно хватался за сердце и думалъ, что съ нимъ? Чувство жара наполняло сердечную область; сердце казалось горячимъ настолько, что я, прикладывая руку къ сердцу, чувствовалъ этотъ жаръ рукой. Такое явленіе непостоянно. Въ иныя минуты сердце казалось остывшимъ и нечувствительнымъ. Я невольно хватался за сердце и за пульсъ, желая узнать, не остановилось ли оно?

Пульсъ, который я считалъ въ эти минуты, достигалъ отъ 112 до 125 ударовъ въ одну минуту (въ нормѣ 72 въ минуту).

Дыханіе сравнительно съ нормой (18 колебаній въ минуту) учащается до 30 колебаній въ минуту и даже больше, но это увеличеніе непостоянно. Иногда дыханіе становится рѣже, но зато болѣе глубокимъ. Отмѣчается неравномѣрность дыханія: то человекъ дышитъ, какъ обычно, то вдругъ глубоко и тяжело. Иногда, какъ бы подъ вліяніемъ тяжелыхъ думъ, дыханіе на короткій срокъ останавливается, но зато послѣ остановки дыханіе становится особенно глубокимъ, всей грудью.

Получается впечатлѣніе, что дыханіе въ періоды ожиданія боя подобно дыханію человека, поднимающагося на высокую гору.

Жажда. Жажда прямо-таки мучаетъ. *Во рту постоянно сушитъ; въ горлѣ пересыхаетъ.* Является постоянное желаніе пить и пить... Лучшимъ напиткомъ является холодный чай; къ нему я прибѣгалъ очень часто. Но слѣдуетъ замѣтить, что эта жажда отличается отъ обычной нашей жажды. Если тамъ, въ ожиданіи, пить много, то получается отяжелѣніе желудка, но желаніе пить не уменьшается. Жажда получается не вслѣдствіе потребности организма пополнить недостающую жидкость организма, а лишь вслѣдствіе быстрого высыханія ротовой и глоточной полости. По этому питье чая маленькими глотками или питье теплой воды удовлетворяютъ появляющуюся отъ ожиданія жажду лучше въ сравненіи съ другими напитками.

Позывы на низъ. Появляются *ощущенія ложныхъ позывовъ.* Сравнительно съ нормой они значительно учащаются. Проходитъ какихъ-либо 10 мин.—нозываетъ; черезъ 10—15—новый позывъ и т. д. Тоже замѣчается и у солдата въ подобномъ же состоянїи. Ходятъ по этой нуждѣ иногда цѣлыми группами и учащенно.

Кожные покровы. Знать точно, повышается ли температура тѣла, какъ при лихорадочныхъ болѣзняхъ, мнѣ не удалось. Мнѣ не привелось измѣрить свою температуру градусникомъ; но по сопутствующимъ явленїямъ я сужу, что она поднимается и довольно значительно.

Если принять повышенїе пульса на 15 ударовъ въ минуту выше нормы за градусъ повышения температуры тѣла, какъ это иногда и учитываютъ медики, то при 115—125 ударахъ въ мин. (вмѣсто 72), что мною и наблюдалось, температура тѣла должна быть около 39° (вмѣсто нормы 36,6°).

Кожа на ощупь всегда горяча, какъ у лихорадочнаго. Въ рукахъ и ногахъ чувствуется жаръ. Будучи чувствительнымъ къ холоду, въ это время я сбрасывалъ верхнюю одежду, даже въ морозное время.

На основанїи приведенныхъ наблюденїй врачей, переходя къ характеристикѣ душевнаго состоянїя воиновъ въ ожиданїи боя и сравнивая его съ данными, полученными отъ офицеровъ, приходится установить прежде всего удивительное совпаденїе психологическихъ чертъ, какъ у офицеровъ, такъ и у врачей.

Здѣсь, какъ и тамъ, отмѣчается *со стороны психики* ускоренїе теченїя мыслей, яркость воображенїя въ области ожидаемаго, какъ бы прикованность вниманїя къ области ожидаемыхъ событїй, и ослабленїе процесса сосредоточенїя на предметахъ внѣ ожидаемыхъ событїй. Настроенїе то же тяжелое, томительное, съ неприятными ощущенїями со стороны сердца; причемъ настроенїе, также неустойчиво. Будучи тяжелымъ, оно легко можетъ перейти въ радостно-веселое и изъ этого состоянїя вновь въ прежнее—тяжелое.

Забота о себѣ, личные интересы преобладаютъ. Въ письмахъ проявляется особенная нѣжность къ своимъ роднымъ.

Речь также торопливая, поспѣшная съ пропусками словъ. И *письмо*, какъ выраженїе мыслей и рѣчи, являлось измѣненнымъ; находятся пропуски буквъ, иногда словъ, нерѣдко отсутствїе связи между мыслями.

Движенїя торопливы и поспѣшны.

Работа, требующая тонкости, мелкихъ и легкихъ движенїй, выполняется съ трудомъ—грубо; почеркъ изъ мягкаго съ закругле-

ніями дѣлается палочкообразнымъ съ острыми углами; при скручиваніи папирсъ отъ грубыхъ движеній рвется бумага, рассыпается табакъ и даже при добываніи огня ломаются спички и сдирается бумажка съ коробки.

Со стороны *внутреннихъ органовъ*: тѣ же ощущенія, идущія отъ сердца, дыханія, кишечника, а также явленія со стороны потребностей къ питью и отпращиваніямъ, отмѣчаются и врачами; но лишь болѣе подробно и обстоятельно, какъ лицами, привыкшими къ подобнаго рода наблюденіямъ.

Общее разсмотрѣніе психологическихъ данныхъ, полученныхъ отъ офицеровъ и отъ врачей, приводитъ насъ къ признанію, что въ этихъ наблюденіяхъ мы имѣемъ однородное психо-физическое состояніе съ опредѣленными чертами или признаками со стороны психической и физической. Нѣкоторые пробѣлы въ наблюденіяхъ офицеровъ встрѣчаются, но они большею частью касаются физиологическихъ отпращиваній; повидимому, не обращалось вниманія на эти отклоненія; съ другой стороны наблюденія врачей, рисуя съ большой подробностью физиологическія отклоненія, меньше останавливаютъ вниманія на психическихъ отклоненіяхъ отъ нормы, какъ, на примѣръ, явленія внушаемости, нетерпѣливости къ ожидаемому, появленіе «сомнѣній и нерѣшительности».

Но, въ виду общихъ психологическихъ чертъ и ихъ общей согласованности, данныя наблюденій могутъ быть объединены въ одну общую схѣму, рисующую душевное состояніе воиновъ въ ожиданіи боя болѣе полно, какъ со стороны психической, такъ и физической.

Какъ уже было отмѣчено и раньше, по приведенной психо-физиологической картинѣ, душевное состояніе воиновъ въ ожиданіи боя есть состояніе *тревожнаго ожиданія*.

Въ обыденной жизни «тревожное ожиданіе» очень часто смѣшиваются со «страхомъ», но въ цѣляхъ научныхъ и военно-практическихъ такое смѣшеніе не должно быть допусаемо.

Д-ръ Т. Шумковъ.

